

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 338

Гипотеза в политическом исследовании

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

В публикации предложено решение задачи формулирования научной гипотезы в политическом исследовании. В решении этой задачи исследователи, особенно начинающие, часто сталкиваются с большими трудностями. В статье анализируются естественные причины таких трудностей. Это отсутствие в структуре гуманитарного исследования, политического в том числе, эксперимента с объектом исследования, для обоснования необходимости и достаточности которого гипотеза используется представителями точных и естественных наук. Это также вопросы научной целесообразности высказывания политологом тех или иных предположений относительно предмета, метода и ожидаемых результатов своей исследовательской работы. Решить эти проблемы возможно, если основу гипотезы в политическом исследовании (равно теоретическом и прикладном) будут составлять аргументированные предположения автора относительно происхождения и свойств объективных и субъективных препятствий на его пути к получению практически и теоретически значимого знания о конкретном объекте и предмете исследования. А также не менее аргументированные предположения автора, что совокупного опыта отечественной и зарубежной политической науки, а также его личной профессиональной квалификации, вполне достаточно для достижения достоверности и практической значимости результатов его исследования.

Ключевые слова: структура политического исследования, научная гипотеза, научный текст.

Hypothesis in Political Science Research

N. I. Shestov

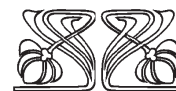
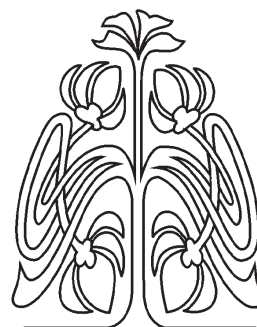
Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The author proposes a solution to the problem of formulating a hypothesis in a political science research. In solving this problem, researchers, especially beginners, often encounter great difficulties. The article analyzes the natural causes of such difficulties. One of them is the lack of experiment with the object of research within humanitarian studies (including political). These are also problems of scientific expediency of statements made by political scientists regarding certain assumptions about the subject, method, and expected results of their research. It is possible to solve these problems if the author's reasoned assumptions regarding the origins and properties of objective and subjective obstacles in obtaining practically and theoretically significant knowledge about a specific object and subject of research will be the basis of the hypothesis in political research (equally theoretical and applied). In addition to this, the author's equally well-reasoned assumptions that the combined experience of domestic and foreign political science, as well as his personal professional qualifications, is enough to achieve the reliability and practical significance of the results of the research.

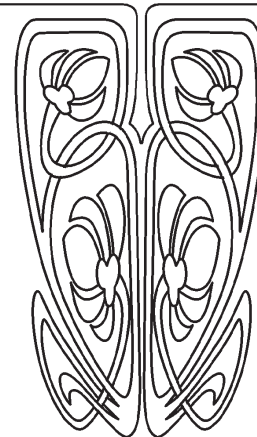
Keywords: structure of political research, scientific hypothesis, scientific text.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-441-447>

Преподавателю российского вуза, осуществляющему сегодня руководство научно-квалификационными и вообще научными работами студентов, магистрантов и аспирантов, нередко приходится от своих подопечных слышать вопрос: «Как сформулировать гипотезу для моей научно-квалификационной работы?». Мне трудно судить,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

насколько сложен или прост ответ на этот вопрос для вузовских преподавателей точных и естественных дисциплин. Наверняка свои трудности в этом деле у них есть. Есть вместе с тем и проторенный многими поколениями математиков и физиков, химиков и биологов путь решения этой проблемы. За столетия развития точных и естественных наук в рядах ученых сложилось более-менее согласованное и устойчивое представление о том, каковы смысл и назначение гипотезы в научном исследовании в качестве одной из его точек отсчета. Сегодня начинающие специалисты в области точных и естественных наук, а также их научные руководители имеют возможность опереться на этот богатый творческий опыт своих предшественников, а не «изобретать велосипед». Они могут использовать оптимальные с точки зрения задач собственной науки подходы как к определению места и роли гипотезы в исследовательской процедуре, так и к выбору наиболее удачных теоретических формулировок. И (что, вероятно, главное) им понятна фундаментальная смысловая связь между гипотезой исследования и его экспериментальным основанием. Там, где есть эксперимент с объектом изучения, там гипотеза действительно необходима – применима в качестве «заявления о намерениях» исследователя произвести с объектом изучения те или иные манипуляции, получить некие новые фактические данные, характеризующие свойства объекта, и эти данные интерпретировать в определенном теоретическом ракурсе.

Это первое обстоятельство, которое ставит любого гуманитария в тупик. Зачем нужна гипотеза в исследовании, в котором экспериментирование с объектами исследования невозможно? Как историку, например, ставить эксперименты над реальностью, которая уже отсутствует в нашем настоящем пространстве и времени? Есть, конечно, энтузиасты исторических реконструкций. Во всех таких случаях, тем не менее, имеет место экспериментирование не с прошлым ради более полного его познания, а экспериментирование с возможностями современного человека жить в непривычных ему условиях.

Что касается политолога, то, на первый взгляд, сама по себе идея экспериментирования с политической реальностью не выглядит абсурдной. На протяжении известной нам политической жизни человечества эксперименты над ней ставились не раз и по разным мотивам. От известных нам, например, политических экспериментов правителей Древнерусского государства до радикальных либерально-демократических реформ конца прошлого и начала нынешнего столетий. Но в том-то и дело, что экспериментированием этим занимались политики, преследующие собственные и не всегда гуманные интересы, а не политологи. Если кто сегодня и занимается экспериментированием в политике, то это политтехнологи. У них свои

(хотя и готовят их в одних вузовских аудиториях с политологами) специфические задачи, связанные с оказанием платных и не всегда этически приемлемых услуг властным элитам. Некоторые из них, например, сделали сегодня сферой приложения своих сил и знаний проекты и практики пресловутых «цветных революций». Другие экспериментируют в сфере создания радикальных идеологических проектов.

Современная политическая наука (если представить ее основную задачу обобщенно, вне зависимости от различия идеологических и этических пристрастий представителей различных национальных школ) анализирует и прогнозирует выгоды и риски для политических человеческих социумов, связанные с попытками политических элит в разных частях света инициировать тот или иной эксперимент в сфере политики.

Немалую роль в определении такой ориентации политической науки играет именно этический момент. Попробуем на минуту представить отечественного политолога, изучающего, например, проблемы социальных революций и гражданских войн. И попробуем представить, что он ради достижения точности современных научных представлений об этом предмете (такая точность пригодилась бы при изучении технологических и психологических аспектов так называемых «цветных революций») предложит согражданам и коллегам по научному цеху поставить масштабный эксперимент с социальным конфликтом. Иначе говоря, в России XXI в. с максимальной детализацией воссоздать предпосылки и повторить последовательность событий, например, 1917–1921 гг. Такая инициатива политолога наверняка не будет одобрена современниками, находящимися в трезвом уме и твердой исторической памяти. Они справедливо укажут энтузиасту экспериментирования с политическим настоящим и будущим государства и общества, что в новых условиях, при ином раскладе интересов и сил в мировой политике, иных экономических, правовых и культурных реалиях такой эксперимент заведомо не даст ожидаемого результата для научного познания и изменения к лучшему политических практик. А для последних он может закончиться необратимой катастрофой.

Даже если для такого рискованного эксперимента вдруг найдется политическое и этическое оправдание, то его научная мотивация будет под большим вопросом. Экспериментирование над объектами природы не меняет свойства этих объектов. Точные и естественные науки эти свойства познают и используют это знание на практике, руководствуясь именно тем соображением, что свойства эти неизменны. Экспериментирование с политикой, даже если оно происходит только в режиме внедрения научных теорий в идеологические и управленческие практики, меняет ее свойства. Порой настолько, что другим стано-

вится вектор политического процесса. Меняется и само отношение исследователей политики к объекту и предмету исследования.

Эту тенденцию можно наблюдать на примере относительно недавних экспериментов с так называемым «демократическим транзитом». Первые и порой успешные эксперименты с политикой в режиме «демократического транзита» на одной части постсоветского пространства привели к желаемому результату – переходу от модели советской демократической политики к модели либеральной демократии. Этот успешный результат экспериментирования получил закрепление в «теории демократического транзита», популярной среди отечественных политологов в 90-е гг. прошлого столетия и в начале века нынешнего. Но скоро выяснилось, что экспериментирование с «демократическим транзитом» изменило состояние постсоветского пространства настолько, что использование экспериментальных данных на практике стало приносить обществу и государствам больше вреда, чем пользы. В итоге российская, а вместе с нею и некоторые другие политические элиты на постсоветском пространстве утратили теоретический и практический интерес ко всему, что связано с экспериментами «демократического транзита», к тому, что прежде они воспринимали в качестве чуть ли не главного достижения современных политических науки и практики.

Этот эксперимент, если искать в нем практическую пользу для российской политики и политологии, имел только опосредованный позитивный результат: даже к искренне либерально настроенным политикам и политологам пришло осознание, что данные прежних относительно успешных экспериментов с «транзитом» дают им совершенно искаженное представление о свойствах текущей политической реальности и ничего не дают для понимания будущих тенденций демократического процесса в мире и в России.

Другим примером может послужить отношение нынешних российских политиков и политологов к советскому опыту управленческих и идеологических экспериментов. Опыт этот масштабный и на фундаментальном уровне обобщен усилиями обществоведов советской поры. Тем не менее, большинство современных знатоков и ценителей этих фактических и теоретических данных советских политических экспериментов никогда не ставят вопрос о необходимости прямо использовать эти данные в совершенствовании современной российской политики и политической науки.

Эти примеры дают представление о причине, по которой в политической науке сложилось не отрицательное, а, скорее, индифферентное отношение к эксперименту как методу познания политической реальности и к научной гипотезе как способу четко сформулировать смысл и обо-

значить ожидаемый результат экспериментирования. Такое отношение не позволило сложиться в политической науке тому устойчивому и хорошо себя показавшему на практике опыту построения научных гипотез, на который могли бы надежно опереться начинающие исследователи российской и мировой политики, а также их научные консультанты.

Тем не менее, сегодня требование к политологу сформулировать для своего исследования гипотезу *de facto* остается обязательным к исполнению требованием. Обойти его отечественный политолог не может, особенно если речь идет о необходимости подготовить научно-квалификационную работу. Раздел этот необходим в структуре ВКР бакалавра и магистра. Необходим он кандидатской и докторской диссертациям. Требование наличия этого элемента в научном тексте во многих случаях распространяется и на отдельные статьи, публикуемые политологами в отечественных и зарубежных журналах.

Все, что исследователю политики в таких условиях остается, это «изобретать велосипед». Придумывать нечто, что по форме и содержанию хотя бы отдаленно напоминало бы научные гипотезы из исследовательских текстов представителей точных и естественных наук.

Сегодняшняя ориентация политологов на достижения этих наук в рассматриваемом вопросе, заметим, не случайна. Время от времени по разным причинам гуманитарии, и в нашей стране, и за рубежом, сталкивались и сталкиваются с неприятным для себя обстоятельством, а именно с активной готовностью государственной бюрократии из прагматических соображений, связанных с теми или иными проблемными для нее политическими и экономическими обстоятельствами, перераспределять государственные инвестиции в развитие науки в пользу наук точных и естественных и снижать, соответственно, государственную поддержку развития наук об обществе и человеке. Опору для своих действий бюрократия находит обычно во всегдашней критике научных достоинств гуманитарного знания со стороны представителей точных и естественных наук. Находит она ее также в самокритике гуманитариев. Суть претензии к гуманитарным наукам в том и другом случаях одинакова. Есть некие «объективные» высокие критерии качества и «истинной научности» труда исследователя. Их создают и подтверждают своим быстрым прогрессом в современном мире и своим практическим вкладом в копилку цивилизации точные и естественные науки. Их авторитет в этом плане непререкаем, и его признают сами гуманитарии. Тут уместно вспомнить рассуждения философа и методолога науки К. Поппера о «верифицируемом» и «фальсифицируемом» знании.

Проблема в том, что гуманитарные исследования соответствуют этим высоким критериям научности недостаточно либо вообще не соот-

ветствуют. А раз так, то сам собой возникает вопрос о целесообразности государственных инвестиций в развитие знания, например, о развитии политической мысли и политических практик в прошлом и настоящем. Принципиальной важности таких исследований руководители государственной научно-образовательной политики обычно прямо не отрицают. Просто поддержка этих научных направлений откладывается до лучших времен.

В сообществе гуманитариев (в данном случае я говорю в первую очередь об отечественных политологах) срабатывает механизм коллективной самозащиты. Исследователи ищут способ реабилитировать себя и свои науки в глазах властей и граждан, привыкших доверять прагматизму бюрократических решений. А самый простой и очевидный путь реабилитации – это чтобы пусть хотя бы внешне, но политологическое исследование, например, как можно более походило на исследование точно- или естественнонаучное. Походило и по общему строю (наличию массивов эмпирических либо заменяющих их социологических данных, акценту на количественных методах исследования и т. д.), и по атрибутике (набору обязательных разделов в научном тексте).

Естественно, что на уровне внешней атрибутики соблюсти соответствие политологического текста высоким «стандартам научности» исследователю проще всего. Включил в структуру научного текста гипотезу – и соответствие стандарту научности налицо. Не надо при этом менять привычную тематику, методологию и порядок проведения политологического исследования. Это та небольшая формальность, которую исследователям проще соблюсти, чем вникать в ее теоретический и практический смысл. Менее добросовестные политологи и не вникают. Например, общими фразами и короче, чем в соответствующих разделах своего текста, характеризуют актуальность, содержание и даже итоговые результаты своего исследования. Добросовестные исследователи-политологи, и опытные, и начинающие, пытаются в этот смысл вникнуть.

Сегодня наиболее популярный источник информации для решения любых сложных проблем, включая научные, это Интернет. Нетрудно прогнозировать, что начинающий исследователь политики, не получив вразумительных рекомендаций насчет гипотезы от своего научного консультанта, обратится в поиске «истины» к ресурсам Сети. На этом пути начинающего исследователя ждут разочарования. «Истина» так и останется для него «где-то рядом».

В Сети на разных сайтах, действительно, представлен широкий спектр кратких и пространственных определений того, что есть «гипотеза» в современном научном исследовании. Популяризаторы таких определений часто даже на конкретных примерах показывают читателю, какие

формулировки и как лучше использовать в том или ином случае, в какой части научного текста гипотезу располагать и как «связывать» ее с целью, задачами и методологией этого исследования. Авторы справочных материалов идут порой еще дальше и даже приводят типовые формулировки «гипотез» для математиков, физиков, биологов и т. д.¹

В главном исходном моменте все эти определения сходятся. «Гипотеза», если руководствоваться буквальным смыслом этого понятия, есть «предположение». Применительно к сфере науки – это предположение ученого о том, что он, предприняв некие, определенным образом упорядоченные действия по отношению к объекту и предмету своего исследования, имеет шанс получить некое (ему интересное, а для других людей еще и полезное) новое знание об окружающем мире. И этот результат, как ученый может предположить, оправдает в собственных глазах и глазах потребителей его научной продукции все затраты сил и времени на исследовательскую работу.

Политолог взять и использовать эти образцовые формулировки не может в силу их связи со спецификой объекта, предмета и метода исследовательской работы представителей упомянутых наук. Позаимствовать он может только общее понимание смысла той задачи, которую ему предстоит решить: задать исследованию некую исходную точку в виде «предположений» об объекте, предмете, методе и результатах своих творческих усилий. А порядок решения этой задачи необходимо определять самому.

Каждая из упомянутых позиций допускает как возможность для политолога высказать свои предположения, так и то, что он столкнется в этом деле с определенными трудностями. Что касается объекта и предмета политического исследования, то здесь баланс явно смещен в сторону трудностей. Факт существования политических институтов, процессов, технологий, а также порядков и проблем их функционирования не вызывает сомнения у любого здравомыслящего человека, не говоря уже о профессиональном исследователе политики. Как не вызывает сомнения и факт существования политической теоретической мысли, наличия в ней определенных тенденций и противоречий, конфликтующих интерпретаций.

Эта очевидность структур и проблем политики и политической мысли делает законным вопрос исследователя самому себе: есть ли смысл строить какие-либо предположения относительно того, что очевидно? Зачем, например, предполагать возможность и необходимость изучения институтов, практик и проблем развития гражданского общества в современной России, когда об этой возможности и необходимости почти каждый день говорят политики, СМИ и ученые? Важность данных объекта и предмета исследо-

вания, на первый взгляд, не требует научной дискуссии.

Вместе с тем не все так очевидно. Пространство для сомнений и предположений есть. Продолжим тему гражданского общества. Это могут быть предположения специалиста по данной проблематике относительно того, насколько объект и предмет его творческой работы действительно (а не только в силу утвердившегося в среде специалистов мнения) имеют отношение к обществу и гражданским устоям его политического быта. Что они не являются, например, институтами, практиками и проблемами правового государства. Что они являются сегодня частью публичной политики, а не сферы администрирования. Когда объектом и предметом политического исследования является, допустим, такой ключевой, с точки зрения современной либеральной теории политики, институт гражданского общества, как нынешние российские политические партии, то такие сомнения допустимы. Предположения о том, насколько фактически является «партией» политическая партия в современной России.

Такого же рода сомнения и предположения оправданы в том случае, если объектом и предметом политического исследования являются институты, практики и проблемы политической культуры либо политической мысли как ее важной части. Границы, структурные и функциональные характеристики того и другого не всегда четко очерчены в политических процессах и исторически изменчивы. То, что еще вчера полноценно характеризовало структуру и символизировало состояние политической культуры, сегодня может отойти на второй план. Такая судьба, например, во многих современных социально-политических системах постигла классические политические идеологии. Они перестали определять состояние политической культуры даже там, где их влияние на умы людей сохранилось. На смену им в качестве системообразующего начала политической культуры и культурной мотивации внутренней и внешней политики национальных государств пришли этнические и религиозные (либо квазирелигиозные) идеи, институты и технологии социальной коммуникации. Иначе говоря, на смену тому, что два прошедших века олицетворяло собой прогресс политической культуры, пришло то, что всегда воспринималось исследователями в качестве свидетельства вторжения архаики в сферу рациональных мотиваций современной политики. Подвержено переменам и влияние на политику различных политических теорий.

Во всех упомянутых случаях речь идет о том, что при помощи формулирования гипотезы политолог определяет соответствие своих и своих коллег представлений о политике и ее проблемах реальному положению дел в функционировании политических институтов, развитии

политических процессов и в отношении к ним своих современников.

Сформулировать предположения относительно методов своей исследовательской работы политологу несколько проще. Внешне методы политического исследования – это область сложившегося научного опыта и раз и навсегда решенных проблем с пониманием сути методов, основных по крайней мере. Написаны учебники, монографии и научные статьи о методах изучения политики всех вместе и каждом по отдельности. Во многих публикациях и научно-квалификационных работах отечественных политологов можно встретить, как по шаблону составленный, перечень этих «основных методов политического исследования»: институциональный и неинституциональный, системный, структурно-функциональный, исторический и т. д.

На поверку единства в понимании того, что скрывается за общепринятым названием, например, «институционального» или «структурно-функционального» метода у отечественных политологов сегодня не наблюдается. Причина в том, что методология политического исследования, как и вся политическая мысль, а вслед за ней и политическая наука проделали длительный и сложный путь становления. Нам этом пути политическая мысль, а в последние два столетия и политическая наука осваивали и решали самые разные по масштабу и сложности задачи. Задачи эти часто были сходны по смыслу и столь же часто специфичны по условиям и ресурсам их решения. Это различие исторических и страновых условий решения политических задач фиксировалось в разных интерпретациях, которые видные специалисты-теоретики давали одному и тому же методу их решения, получившему признание в научном сообществе.

Понятно, что о мотивах своей приверженности той или иной интерпретации того или иного метода политического исследования, а также о намерении внести свой вклад в его интерпретацию политологу уместно рассуждать в той части своей научной работы, которая специально для этого отведена, предназначена для развернутой характеристики ее методологии. В разделе научного текста «Гипотеза исследования» политолог может, тем не менее, высказать по поводу методологии своего исследования предположения общего порядка. Например, предположение о соответствии масштаба и сложности своих научных задач теоретическим возможностям политической науки их сегодня решить. Иначе говоря, предположить принципиальную возможность и необходимость для себя решать заявленные научные задачи в русле сложившихся теоретических подходов и аналитических процедур либо, напротив, необходимость обновления методологии, приведения ее в максимальное соответствие новым задачам

своего исследования – за счет, например, использования методов других наук, и гуманитарных, и точных, и естественных.

Политологи сегодня, по факту, довольно часто используют такие методы. В то же время они почти никогда не формулируют четко свои предположения относительно того, что использование «не политологических» методов может реально дать конкретному политическому исследованию – дать в плане реальной новизны его процедур и результатов. А такого рода предположения были бы полезны политическому исследованию, в частности, в качестве преамбулы к дальнейшему разговору в разделе «Методы исследования» об общей конструкции его методологии и функциональности отдельных методов, т. е. к доказательству логичности, целостности и работоспособности авторской методологии.

Предположение результатов исследования является наиболее естественной структурной частью его гипотезы. В данном пункте у политолога, формулирующего гипотезу, больше всего возможностей привести свой научный текст (не только по форме, но и по смыслу) в соответствии с упомянутым выше «высоким стандартом научности».

Проблема, правда, тоже существует. Она в конкуренции в отечественной политологии двух стратегий исследовательской работы. Одна стратегия ближе специалистам, работающим на стыке политологии и социологии. Стратегия предполагает, что исследователь должен спрогнозировать результат своих аналитических усилий и затем искать в сфере политики подтверждение или опровержение своим ожиданиям. Однако более распространена среди отечественных исследователей другая стратегия научной работы. Она подразумевает, что исследователь должен начинать собирать фактический и теоретический материал для своего научного труда, не устанавливая для поиска никаких заведомых границ. Добросовестно собранный материал подскажет исследователю конечные выводы и оценки.

Своими корнями эта вторая стратегия уходит в традиции европейской и российской исторической науки, у которой современная политология немало позаимствовала и прогрессивного, и косного в плане исследовательской культуры. Опору себе эта стратегия находит также в преемственности традиций советского и постсоветского этапов развития отечественного общественного знания и государственствования. В советское время, что бы в политике ни изучалось, результат был детерминирован канонами марксизма-ленинизма в его научном и идеологическом измерениях. Сегодня во многих случаях конечный результат исследований российской и мировой политики тоже определяют идеологические ориентации политологов: либеральные, консервативные, со-

циалистические. Прямо заявлять о них в сообществе отечественных политологов не принято. Следование политолога второй стратегии позволяет ему не афишировать личную гражданскую позицию и поддерживать имидж объективности своих аналитических процедур и результатов своего исследования. Но в таком контексте какие-либо рассуждения об ожидаемых результатах исследования теряют смысл.

Попробуем суммировать то, что было сказано о возможностях и трудностях для политолога решить задачу формулирования гипотезы своего исследования. Суммировать в виде определения того, что в оптимальном варианте может представлять собой гипотеза в политическом исследовании в качестве инструмента легитимации научного статуса исследовательской работы политолога в нынешних непростых для политической науки условиях.

В варианте, который имеет свое оправдание в потребностях и логике современного политического исследования, гипотеза в таком исследовании может представлять собой предположение, высказанное автором по поводу двух позиций. Первая позиция – это объективные и субъективные препятствия на пути решения тех задач, которые политолог перед собой поставил в своем исследовании. Это препятствия к получению в данном конкретном политическом исследовании достоверных, научно и практически значимых результатов. Политолог, применительно к этой позиции, **высказывает свои предположения относительно происхождения этих препятствий, а также их связи с общими и конкретными особенностями развития гуманитарных исследований в России и мире.**

Вторая позиция – наличие у политолога возможностей эти препятствия преодолеть. В рамках данной позиции политолог **высказывает свои предположения относительно того, насколько его собственная профессиональная компетентность, а также ресурс знания о политике, накопленный его предшественниками, способны обеспечить решение тех научных задач, которые им поставлены, вопреки существующим к этому препятствиям.**

Понятно, что такой подход к формулированию гипотезы выбивается из привычного для современных точных и естественных наук представления о ее смысле и назначении. Полного соответствия политического исследования нынешнему «стандарту научности» такой подход не обеспечивает. Это, скорее, тот компромисс, который делает возможным на практике приближение структуры и содержания политического исследования к упомянутому «стандарту». Что важно – приближение без потери рационального начала в этих структуре и содержании. И, что тоже важно, без имитации «соответствия требованиям», чем сегодня, бывает, грешат труды политологов.

Примечания

¹ См.: Гипотеза исследования : учимся формулировать по образцу. URL: <http://kursach37.com/primer-gipoteza-issledovaniya/> (дата обращения: 20.06.2019) ; Гипотеза как отправная точка научного исследования : виды научных гипотез. URL: <http://webkonspekt.com/?roo>

[m=profile&id=1248&labelid=13917](https://zinref.ru/000_uchebniki/01200filosofia/001_lekcii_filosofia_09/156.htm) (дата обращения: 20.06.2019) ; Гипотеза в научном исследовании. URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/01200filosofia/001_lekcii_filosofia_09/156.htm (дата обращения: 20.06.2019) ; Разработка гипотезы исследования. URL: https://studwood.ru/959562/filosofiya/razrabotka_gipotezy_issledovaniya (дата обращения: 20.06.2019).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Гипотеза в политическом исследовании // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 441–447. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-441-447>

Cite this article as:

Shestov N. I. Hypothesis in Political Science Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 441–447 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-441-447>